

Они действительно явились!

Внешне Цуй Люй оставался невозмутимым, но в душе его бушевал настоящий шторм.

Он приказал своим людям следить за тем, что происходит на другом берегу — в управе Баочуань, — но делал это скорее мимоходом, приглядывая за делами Банды речных перевозок. Цуй Люй не был до конца уверен, что отряд императорских посланников прибудет именно сейчас и что их путь проляжет через торговые узлы Баочуани.

Управа Баочуань, служившая перевалочным пунктом для трёх провинций, была средоточием торговых путей, связывавших север и юг. В ранние годы правления императора Чжунъю она была «денежным мешком», куда стекались средства от продажи северных товаров, а позже стала финансовой опорой для сбора армии. Охраняемая отборными войсками, Баочуань послужила идеальным плацдармом для захвата Цзянчжоу. Когда же область вошла в состав земель Данин, управа стала связующим звеном между префектурой и столицей, через которое проходил весь поток налогов.

Из-за разделяющей их реки государственная торговля часто страдала от задержек, что вызывало споры между берегами. Однако, под сенью грозных гарнизонов, чиновники Цзянчжоу не осмеливались на открытое неповиновение. Они лишь позволяли себе мелкие пакости: то затянут с оформлением документов, то сошлются на непредвиденные трудности. До тех пор, пока это не переходило границ и не вредило государственным делам, император проявлял определенное терпение.

Против природы не пойдешь — ветер на реке силен, лодки переворачиваются. Оправдания местных властей всегда казались столь своевременными и уместными, что умело вписывались в рамки монаршего снисхождения. За долгие годы у цзянчжоуского чиновничества выработалось ложное чувство превосходства над столицей, а в исполнении указов и законов всё чаще сквозила осознанная медлительность.

Чтобы превратить эти берега, разделенные бурными водами и не соединенные ни единым мостом, в послушный столичный кошелек, требовался не только государь с железной хваткой, но и совершенные пути сообщения.

Цуй Люй знал, что в будущем великий инженер воплотит мечту о мосте в жизнь, но при нынешнем уровне знаний и скудости казны это оставалось лишь несбыточной фантазией. Военная угроза да инспекции, проводимые раз в полгода, — вот и всё, чем трон мог обуздать строптивцев Цзянчжоу.

По обыкновению, назначенные двором инспекторы прибывали в Баочуань к концу года, переправлялись на казенных судах через реку и во втором месяце следующего года возвращались в столицу с отчетами.

Прежде Цуй Люй не мог взять в толк, почему власти Цзянчжоу и Баочуани закрывали глаза на контрабанду Банды речных перевозок. Лишь вложив в это дело десятки тысяч серебром, он сумел разглядеть истинную суть вещей.

Цзянчжоу стоит у моря, и в искусстве хождения по воде никто не сравнится с людьми из Банды. Если прижать их слишком сильно, они просто уйдут в океан, на острова, и тогда прибрежный люд сполна познает ужас набегов «речных пиратов» и «морских разбойников».

Позволяя им кормиться мелкими прибылями под самым присмотром властей, государство обеспечивало покой: для речного люда, чьи семьи жили на берегу, стабильность была дороже скитаний по волнам. К тому же у императора была цель — создать могучий флот, а эти люди были прирожденными учителями для матросов. Подчинить их оказалось проще, чем договориться с тертыми калачами из цзянчжоуской управы. Императорский двор относился к Банде как к рыбе в пруду — растили до поры. А чиновники? Те и вовсе за людей их не считали, полагая, что эта шваль не способна на серьезные дела, и лучше оставить их как кость в горле у столицы, чем уничтожать под предлогом борьбы с контрабандой.

Эти взаимные расчеты превратили Банду речных перевозок в нечто уникальное. В глазах народа они были всеильны — любой запретный товар можно было достать через них. Для властей же они оставались навозными мухами, которых терпели лишь ради того, чтобы досадить другим.

Так и жили, пока это не кололо глаза тем, кто принимал решения.

Цуй Люй по натуре своей не стал бы соваться в дела организации, которую обе стороны держали за овец на заклание. Но если он хотел миновать бюрократов Цзянчжоу и выйти напрямую на тот берег, ему не оставалось иного пути, кроме как взяться за этих «овец».

Выбор был невелик: либо ты сам возглавишь отару, либо пойдешь под нож вместе с ней. Он должен был стать новым вожаком, чтобы в час великого расчета иметь право стоять перед сильными мира сего и вести переговоры с тронном — пусть даже в рубище преступника.

Говоря проще, ему нужна была трибуна, а Банда речных перевозок служила ее опорой. Лишь с таким весом он мог выйти на сцену и начать свою игру.

Возвращаясь к событиям дня: как только Цуй Люй узнал, что Чжан Ляньцюэ собирается на пир к главе области, его не покидало ощущение, что он упускает какую-то важную деталь.

Если верить видениям из снов, в той жизни он редко бывал в префектуре, да и Чжан Ляньцюэ из-за вечной скудости в кошельке не пользовался милостью начальства и тоже не жаловал визитами главный город.

Тогда он не давал Чжану шкатулку с деньгами, и тот из-за своей бедности томился в глухом Хуйцюэ долгие пятнадцать лет. Но была и другая причина, по которой Цуй Люй хотел поскорее

спровадить этого человека. В день, когда на весь клан Цуй обрушилась кара, этот «друг», которого он считал едва ли не братом, выдал властям тайный вход в пещеру на горе Юньянь.

То было убежище, приготовленное предками на случай лихолетья. Позже его официально передали казне, но Цуй Люй, видя наглость Банды речных перевозок, доверил тайну Чжану. Предательство обернулось катастрофой: его дети, которых он пытался спасти, были схвачены все до единого.

Очнувшись от кошмарного сна и поправив здоровье, Цуй Люй при первой же встрече с Чжан Ляньцюэ едва поборол желание придушить его на месте.

Но в итоге — подарил ему целое состояние.

Он слишком хорошо знал Чжана. Тот прозябал в захолустье лишь потому, что не имел средств; дай ему золото — и он не усидит на месте. Так и вышло: чиновник тут же объявил, что едет в префектуру поздравлять главу области.

В каждом годовом отчете есть страница для отзыва начальника. Раньше Чжан Ляньцюэ, возвращаясь из столицы после бесплодных попыток продвинуться по службе, лишь вздыхал: Янь Сю ставил ему «ниже среднего» или, в лучшем случае, «посредственно». В этот раз он надеялся купить себе оценку «превосходно».

Появившись у ворот резиденции Янь Сю, Цуй Люй стремился показать заносчивым заправилам Банды свои связи. Но стоило ему еще раз обдумать повод для торжества в доме главы области, как кусочки мозаики наконец сложились.

В прошлый раз праздник в доме Янь Сю прошел чередом. Странности начались позже: спустя месяц после того, как префект взял наложницу, его нашли искалеченным, а прибывший императорский инспектор, расследуя дело о налогах Цзянчжоу, арестовал его и отправил в столицу по обвинению в коррупции. И среди тех инспекторов было полтора десятка женщин в малиновых одеждах.

Цуй Люй видел описание этого платья в хрониках императора Чжунью — так выглядела форма чиновников нового ведомства.

Той же ночью он вызвал начальника своей охраны и велел передать людям в Баочуани: ищите группу женщин-чиновниц, которые ведут себя независимо, не боятся мужчин и держатся с гордостью, превосходящей мужскую.

У инспектора и Департамента по делам женщин были разные поручения и разные пути. В своих снах Цуй Люй слышал, что если бы их дороги не разошлись, они бы нашли нужного человека на месяц раньше. Это значило, что женщину, которую Янь Сю силой взял в дом, нашли вовсе не в Баочуани. Чтобы проверить догадку, Цуй Люй за три дня до приезда приставил людей к боковым воротам резиденции префекта. Те подслушали сплетни торговок

овоцами: говорили, будто новую девицу «выудили из воды».

За последние полмесяца глава области посетил лишь одно место. Там течение реки было столь стремительным, что зимой оно вздымалось валами, а летом затапливало берега. Местные обходили те места стороной — одно неверное движение, и вода поглотит тебя навсегда. Но именно там берег был ближе всего к Баочуани; опытный ныряльщик мог переправиться на другой берег даже на утлом челноке.

Цуй Люй задумчиво потер пальцы. Он решил, что как только эти люди разберутся с префектом, он сам отправится туда на разведку. Его не покидало чувство, что в том месте кроется какая-то тайна — иначе зачем важному господину Янь Сю тащиться в такую глушь в разгар осенних холодов?

Пока он размышлял, сцена перед ним разворачивалась поистине невероятная. Он ожидал увидеть лишь отряд женщин, но никак не предполагал, что за ними придет столь грозная, вооруженная до зубов охрана. Своим яростным видом они внушали ужас: казалось, еще миг — и они сравняют резиденцию префекта с землей. Не только Цуй Люй замер в изумлении; все, кто прятался в тени, во все глаза смотрели на пришельцев, стремясь запомнить каждую деталь, чтобы потом годами пересказывать это в чайных.

Охранник, подававший ему знак, наконец пробрался сквозь толпу. Пока Чжан Ляньцюэ, еще не придя в себя, пытался подойти поближе к воротам, слуга прошептал Цуй Люю на ухо:

— Хозяин, людей из Банды речных перевозок перебили. Мы...

Цуй Люй вздрогнул, заметив, как человек опустил голову.

— Один из наших братьев схвачен. Жив.

— Как вы могли так оплошать?

Охранник согнулся еще ниже:

— Клинки у них слишком быстрые, а в слежке им нет равных. Мы успели пустить стрелу с вестью и отойти совсем недалеко, но они нас выследили. Братья помнили ваш наказ не раскрывать имен и бросились врассыпную, но... но они из арбалетов прострелили Сяоцяню ногу...

На лбу Цуй Люя вздулась жилка. Он знал, что воины Севера сильны, но не ожидал, что настолько. Их решительность и молниеносная реакция в непредвиденной ситуации выдавали в них выучку, которой никогда не было у местных солдат.

Неудивительно, что император Чжунью сумел сокрушить прежнюю династию, имея в

распоряжении куда меньшие силы.

Он проявил неосторожность. Вернее, поплатился за то, что недооценил мощь императорских посланников.

Чжан Ляньцюэ наконец опомнился. Лицо его было бледным от ярости. Он вперил взор в Цуй Люя и процедил:

— Ты сделал это нарочно?

Любой, кто занимает высокий пост, не лишен проницательности. Теперь он понял, почему его даже не пустили на порог бокового зала, оставив томиться в чайной. Телега с подарками Цуй Люя казалась внушительной лишь на первый взгляд — стоило присмотреться, и становилось ясно, что там нет ничего по-настоящему ценного.

Он и не собирался входить в дом главы области.

Осознав это, Чжан Ляньцюэ едва не задохнулся от обиды. Опоздай они хоть на четверть часа или пройди он в залы — Янь Сю успел бы подписать его характеристику. Скоро ему предстояло ехать в столицу с отчетом, и неважно, в чем позже обвинят префекта: любые решения, принятые им до ареста и не касавшиеся важных дел, остались бы в силе. Это был его шанс, его лазейка.

И Цуй Люй лишил его этой возможности.

Без оценки начальника даже столичная родня Цуя была бы бесполезна — у него не было основы для маневра. К тому же, если префекта арестуют, всё чиновничество Цзянчжоу ждет повальная проверка, а значит, как бы он ни хлопотал, в этом году перемен не предвиделось. Ему придется еще три года гнить в своем Хуйцюе.

Чжан Ляньцюэ был готов лишиться рассудка.

Цуй Люй и сам чувствовал горечь, словно проглотил муху. Он полагал, что люди, облеченные властью инспекторов, должны обладать хоть каплей мудрости. В борьбе с местными заправилами полагается сначала проявить вежливость, а уж потом пускать в ход оружие.

А что в итоге? Они просто вломились в парадные двери и, ко всему прочему, схватили его человека.

Они играли совсем не по правилам.

Сейчас Цуй Люю было не до оправданий перед Чжаном. Он лихорадочно соображал, как выйти

из воды сухим. Он вывел инспекторов на префекта вовсе не для того, чтобы устроить резню.

Какими бы умелыми ни были эти воины, местные власти — это сила. Если только каждый из них не способен в одиночку одолеть сотню, сегодня им не выбраться из Цзянчжоу живыми.

Словно в подтверждение его мыслей, со всех сторон к резиденции префекта с шумом начали сбегаться люди. Все в полном доспехе, с арбалетами наготове и полными колчанами стрел. Они плотным кольцом окружили вышедшего из ворот Янь Сю. Тот шел неспешно, с небрежным достоинством, а наконечники стрел его гвардии замерли, нацеленные в грудь незваным гостям.

Чжан Ляньцюэ замер в нерешительности. С одной стороны — полтора десятка всадников и горстка женщин, с другой — почти сотня вооруженных солдат. Исход казался предрешенным: в его воображении стража префекта уже сметала дерзких пришельцев.

Цуй Люй краем глаза следил за ним. Заметив, что Чжан порывается выйти из тени и прильнуть к главе области, он подал знак своему охраннику. Тот мгновенно ударил чиновника, вырубив его, и оттащил в сторону.

Тем временем у ворот начались переговоры. Янь Сю, облаченный в праздничные красные одежды, казался человеком, глубоко почитающим обряд вхождения наложницы в дом. Однако его дряхлое тело и преклонные годы вызвали у противников лишь зубовой скрежет. Всадники крепче сжали рукояти мечей.

— Янь Сю, ты хоть понимаешь, что творишь?

Префект Янь Сю погладил бороду, на его лице заиграла безмятежная улыбка.

— Разумеется, я всё прекрасно понимаю. Ха-ха! Путник в моем доме — всегда гость. Может, господа пройдут внутрь и выпьют с нами за счастье молодых?

Его слова стали искрой в бочке пороха. Те, кто решился на такой дерзкий выпад, не были склонны к велеречивым спорам. Лошади взвились на дыбы, оглашая воздух призывным ржанием, клинки сверкнули холодным стальным блеском. Женщина, стоявшая во главе отряда, гневно выкрикнула:

— Пей сам на своих поминках, пес! Неужто думаешь, что в горло ползет?

С этими словами она подала знак, и всадники рванулись в атаку на ворота.

Цуй Люй закрыл глаза и тяжело вздохнул. Все пропало. Кто бы ни победил в этой схватке, расплачиваться придется ему — и ценой будет всё его состояние.

«Этот Тао Сяоцяннь вечно хвалился, что бегаёт быстрее ветра. Как же он умудрился попасться в самый неподходящий момент? Вернемся — лично шкуру с него спущу».

— Пойдите! Стойте! Не горячитесь! Всё можно решить миром! Давайте сядем и поговорим! — кричал Цуй Люй.

Прежде чем броситься вперед, он шепнул своему человеку:

— Живо к причалам Банды! Передай господину инспектору: пусть бросает свои тайные прогулки. Если не явится сейчас в своем истинном обличье, здесь всё кровью зальют!

Интересно, кто же на этот раз назначен инспектором в Цзянчжоу?

Если бы не его знание грядущих событий, он бы в жизни не угадал путь, которым придёт важный чин. И как он потом будет всё это объяснять?

Под недобрыми взглядами обеих сторон, Цуй Люй вышел на открытое пространство — прямо под прицел десятков арбалетов.

Как же всё это некстати!

<http://bllate.org/book/16118/1585242>